

**ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ
КАНТА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ
РОБЕРТА НОЗИКА ***

В. А. Чалый¹

Политическая теория Роберта Нозика содержит попытку адаптировать кантовское понятие личной свободы и вторую формулу категорического императива («формулу персональности») для обоснования либертарианской концепции «минимального государства». Эта попытка анализируется и критикуется по следующим основаниям: а) антропологические модели в основе теорий Канта и Нозика существенно различаются; б) различное понимание природы человека закладывает различия в понимании свободы – для Нозика это изначально свойство человеческой природы, вынужденно ограничиваемое гражданским состоянием, для Канта свобода возникает в результате вступления в гражданское состояние; в) несоизмеримость антропологических пресуппозиций и базовых понятий двух теорий искажает смысл кантовской формулы категорического императива при перенесении ее в чуждый философский контекст.

Ключевые слова: Кант, Нозик, категорический императив, «минимальное государство», свобода, либертарианство.

«Индивиды обладают правами» – так начинается американский философ Роберт Нозик изложение своей политической теории в книге «Анархия, государство и утопия» (1974). Это утверждение есть и начало, и венец нозиковской теории, аксиома, выбор которой он пытается обосновать, построив на ее основе концепцию «минимального государства» и продемонстрировав ее привлекательность: «Лучшее обоснование – это сама построенная теория» (Nozick, 1974, p. 3). Теория Нозика обозначает предел либерального индивидуализма: оставаясь уважаемой и академичной, она содержит острую критику политических доктрин, допускающих вмешательство государства в сферу личных свобод. Это защита классического либерализма локковского толка в новых

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 04.03.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-2-4

© Чалый В. А., 2014

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №12-03-0321 «Исследование влияния политической философии Канта на современные западные политические теории».

условиях, от новых оппонентов, прежде всего от эгалитарного либерализма Джона Ролза. Ролз подверг критике, с одной стороны, утилитаризм, лежащий в основе многих теорий классического либерализма², а с другой — теорию естественного права (прежде всего локковскую), которая, по мнению Ролза (Rawls, 2000, p. 8), зависит от внефилософских, религиозных предпосылок. Нозик пытается показать, что основные положения классического либерализма можно восстановить и на деонтологическом этическом основании, истолковав в его терминах теорию естественного права. Поэтому неудивительно, что, как и Ролз, Нозик пытается взять себе в союзники Канта. Анализ степени успешности этой попытки — цель настоящей работы.

Теория, выдвинутая Нози́ком, имеет по крайней мере два бесспорных достоинства: она стройна и основана на простых интуитивно приемлемых (для большинства читателей его работы) положениях. Интуитивно приемлемые принципы покажутся нам знакомыми: человек — это автономное, рациональное и свободное существо, обладающее неотъемлемыми правами, защита которых лежит в основе политической жизни. Выдержанные в духе либеральной философии, эти принципы полностью созвучны взглядам и Канта, и Ролза.

Выдвинув принципы, Нозик формулирует исходную проблему: как возможно государство, если оно неизбежно есть нарушение базового принципа индивидуальной свободы? Почему не анархия? (И приводит яркую цитату из «Общей идеи революции XIX века» Прудона, обличающую государство.) Форма вопроса Нози́ка о возможности государства сходна с формой знаменитого кантовского «как возможны синтетические суждения априори?» И в том и в другом случае философское рассуждение движется от данного к условиям его возможности. В аналитической эпистемологии второй половины двадцатого века подобное рассуждение получило название «трансцендентальный аргумент», и Нозик с успехом переносит (можно сказать — возвращает, поскольку Кант изначально ставит проблему в терминах философии права) эту форму в политическую философию.

Отвечая на вопрос о возможности государства, Нозик ставит мысленный эксперимент, который представляет как детализацию локковского рассуждения о переходе от естественного состояния к общественному. Ход этого эксперимента подводит американского философа к необходимости введения деонтологической теории и привлечения идей Канта. Вот основные тезисы рассуждения Нози́ка (Nozick, 1974, p. 12–25):

1. *В гипотетическом естественном состоянии люди обладают естественными правами.* Говоря о происхождении естественных прав, Локк, как известно, ссылается на Создателя, установившего их через порядок вещей. Нозик далек от теологических обоснований, и этот тезис фактически оказывается пресуппозицией. Отметим эту особенность концепции Нози́ка.

2. *Человек склонен нарушать права других и опасаться нарушений собственных прав с их стороны.* Во «Втором трактате» Локка этот тезис дополняется утверждением естественной предрасположенности человека к сотрудниче-

² Вопрос о соотношении утилитаризма и классического либерализма до сих пор вызывает разногласия. Существует аргументированное мнение, что утилитаризм лежит в основании *всех* теорий классического либерализма, в том числе локковской (Brogan, 1959).

ству, лежащей в основе социальных отношений. Примечательно, что Нозик общественную сторону человеческой природы оставляет без внимания и сосредоточивается на склонности к насилию. Это сообщает его антропологии некоторое сходство с гоббсовской, с ее всеобщей враждебностью и всепроникающим страхом в естественном состоянии.

3. Люди станут стихийно кооперироваться для защиты своих прав. Возникнут «охранные ассоциации». Охранные ассоциации в описании Нозика — это что-то вроде хорошо известных нам ЧОПов, причем точно так же часто ведущие себя сомнительно, конфликтующие между собой за зоны влияния, вынужденные разрешать конфликты путем насилия и т.д. Однако они являются зародышем будущего государственного порядка.

4. Среди охранных ассоциаций вскоре появится доминирующая, а в пределе — единственная, поскольку и ассоциации будут стремиться к росту, и клиентам выгоднее принадлежать к одной охранной ассоциации. «Невидимая рука» в действии. Этот шаг в рассуждении Нозик связывает с классическим принципом «невидимой руки», считая, что его применение в политической теории служит дополнительным свидетельством ее убедительности.

5. Чтобы считаться государством, охранной монополии необходимо обосновать свое право на насилие. К *de facto* необходимо прибавить *de jure*, проблема возникновения дополняется проблемой легитимности. Здесь мысленный эксперимент Нозика сталкивается с главной трудностью: государство, основанное на страхе хаоса естественного состояния и возникшее из борьбы охранных ассоциаций в итоге победы одной из них, не сможет обосновать собственную легитимность. Его власть будет основана только на принуждении, а это проблематичный вывод для либерализма. Нозик признает, что данная проблема потребует специального внимания за пределами мысленного эксперимента.

6. Ассоциация, имеющая монополию на насилие в пределах некоторой территории, которая при этом будет защищать права только добровольно платящих клиентов, может называться «ультраминимальным государством». Никаких обоснований легитимности, однако, Нозик не приводит. Власть такой ассоциации покоится на насилии, поэтому именование его «государством» остается спорным.

7. Обосновать легитимность «минимального государства» можно, оперевшись на понятие **моральных ограничений**, запрещающих нарушение естественных прав. Здесь Нозик опять обращается к идее наличия базовых естественных прав, защита которых настолько важна, что обосновывает принуждение к оплате услуг «государства — ночного сторожа» в ущерб некоторой доле свободы. Таким образом, второй раз используется идея, введенная в начале в качестве постулата.

Если несколько упростить нозиковское рассуждение о естественном состоянии, то обоснование «минимального государства» будет выглядеть так: а) индивиды обладают правами, б) существуют жесткие ограничения на нарушение базовых индивидуальных прав, в) естественное стремление людей к защите этих прав приведет к возникновению «минимального государства», единственной функцией которого станет их защита.

Мы видим, что на понятия «естественных прав» и «жестких ограничений» в концепции Нозика ложится значительный вес. От них целиком за-

висит обоснование «минимального государства». Для Локка естественные права установлены через природный закон Богом, и только это по-настоящему наделяет их значением. Его антропология религиозна (не зря он во «Втором трактате» ссылается на Ричарда Хукера, одного из главных англиканских теологов, который, в свою очередь, базировался на теории естественного права Аквината), и вне ее ссылки на «природное равенство» как на самоочевидное основание «долга взаимной любви меж людьми» остаются внушающими симпатию проявлениями доброй души, но не философскими аргументами. Нозик, разумеется, избегает теологических аргументов; избегает он и бесперспективных, по его убеждению, попыток обоснования жестких ограничений указанием на утилитаристскую выгоду. Его стратегия — использовать для этого адаптированный Ролзом кантианский деонтологический подход.

Имея два достоинства (интуитивную приемлемость главного постулата и стройность аргумента), теория Нозика характеризуется и двумя трудностями. Первая состоит в том, что слишком много людей, философов и нефилософов, высказываются за существование более чем одного интуитивно приемлемого постулата. Вне зависимости от того, признаем ли мы возможным примирение различных базовых ценностей, либо считаем в духе «агонального либерализма» их конфликт неизбывным, у свободы традиционно есть важнейший конкурент — равенство, которое в либертарианской теории Нозика получает лишь подчиненный статус, определяясь как равенство меры свободы. Это чрезвычайно узкое, контринтуитивное определение, и Нозик пытается подкрепить его рядом изобретательных аргументов.

Основное понятие теории справедливости Нозика — «титул собственности». Он возникает в результате справедливого первичного присвоения собственности и передается вместе с законосообразным переходом этой собственности иному владельцу. Несправедливости, возникающие в ходе этих операций, требуют мер по исправлению. Справедливое государство контролирует эти процессы и не вмешивается в остальные. Всякая попытка выдумать идеальное распределение собственности, утопическую ситуацию конечного «равенства» и добиться этого положения государственными мерами приведет к нарушению принципа свободы. Свобода сохраняется, когда справедливость понимается не как целевое конечное состояние общества, а как набор процедур обращения с собственностью.

Пожалуй, самая известная иллюстрация к этому тезису Нозика — его аргумент «от Уилта Чемберлена», призванный показать, что осуществление государством перераспределения с целью добиться большего равенства будет являться нарушением базовой ценности свободы. Предположим, что мы имеем распределение благ А, которое мы признаем справедливым, и талантливого баскетболиста Уилта Чемберлена, публично заключившего контракт с клубом, согласно которому четверть стоимости каждого билета становится его собственностью. К концу сезона Уилт становится заметно богаче среднего гражданина, однако государство не имеет права навязывать Уилту какие-либо перераспределительные схемы с тем, чтобы повысить благосостояние остальных граждан, потому что новое распределение богатства в обществе возникло из *ex hypothesi* справедливого состояния на основании справедливой договоренности.

Интуитивная приемлемость аргументов Нозика играет в конечном счете против его теории. Мы можем утверждать (а в современной России подобные утверждения звучат постоянно), что и первоначальное распределение собственности, и последующие операции с ней были настолько проникнуты несправедливостью, что практически любые государственные (и негосударственные?) вмешательства в структуру собственнических отношений, «титолов собственности», могут быть поданы как «исправление нарушений» и тем самым оправданы. Эти же аргументы могут использоваться и в любом другом обществе, где первоначальное накопление и последующее перераспределение собственности с неизбежно сопутствующими преступлениями (если не всегда против закона, то часто против того, что можно назвать «чувством справедливости») были растянуты на столетия, а не спрессованы, как в России, в двадцать лет, и не так явно присутствуют в памяти общества.

Вторая трудность в концепции Нозика состоит в том, что Кант назвал бы смешением «эмпирического» и «чистого» исследований оснований существования государства. Первая часть концепции, посвященная возможному генезису «минимального государства», находится в измерении, которое Кант назвал практической антропологией. Весь мысленный эксперимент с выходом из естественного состояния к гражданскому под действием страха агрессии лежит в этом измерении. Неудивительно, что возникающий в его итоге вопрос о легитимности претензий государства на монополистическую власть в рамках некоторой территории вызывает трудности: человек, не опасющийся агрессии и не желающий лишиться «естественной свободы», либо желающий вопреки рациональному расчету пользоваться услугами сторонней охранной ассоциации, не может быть обоснованно принужден к подчинению государству. ЧОП и государство оказываются явлениями одного порядка, основанными на страхе насилия и на самом насилии. Конечно, в такой — даже гоббсианской, а не локковской — системе координат обосновать главенство прав индивида невозможно.

Преодолению этой трудности посвящена глава книги Нозика, в которой он пытается показать, что «минимальное государство», устанавливающее «жесткие ограничения», не только не нарушает, но имеет целью осуществление прав индивида. И с этой целью американский философ обращается к Канту: «Жесткие ограничения, накладываемые на действия, отражают основной кантианский принцип: человек — это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-нибудь целей без их согласия. Индивид неприкосновенен» (Нозик, 2008, с. 31–32).

В этом пересказе второй формулы категорического императива сразу привлекает внимание замена «человечества» «человеком». Кантовская формулировка сложнее: относиться *так же* как к цели и никогда только как к средству к *человечеству* в своем лице и в лице другого. То есть императив касается не эмпирического субъекта, человека во всей полноте его актуальных недостатков и потенциальных достоинств, а субъекта трансцендентального, того, который, согласно Канту, актуализирован в конкретном человеке всегда отчасти и только в человечестве и в необозримой перспективе — полнотью. Государство, поставленное на службу этой задаче, как представля-

ется, будет заметно отличаться от либертарианского идеала. Изъяны отдельного человека не будут возведены в ранг неприкосновенной ценности наряду с достоинствами, а осуществление коллективных интересов (ведь *человечество* подразумевает сообщество) будет важной целью.

Другое достаточно очевидное отличие кантовской теории от теории Нозика заключается в том, что они различно трактуют понятие свободы. Нозик наделяет свободой человека в естественном состоянии, для Канта переход от естественного состояния к гражданскому необходим для обретения свободы. Для первого свобода изначальна, безусловна, индивидуальна, для второго она — эффект жизни, сообразной практическому разуму, в сообществе других разумных существ. Наконец, Нозик наделяет свободой конкретного «эмпирического» человека вне зависимости от его ценностей и целей, даже таких, которые, по Канту, были бы проявлением природных склонностей и детерминизма. Согласно Канту, свобода проявляется в поступках конкретного человека настолько, насколько они приближаются к идеалу моральности «чистого» трансцендентального субъекта, не зависящему от природной причинности. Таким образом, смыслы понятия «свобода» у Канта и Нозика существенно разнятся.

Лаконичность и стройность либертарианской теории Нозика оборачивается недостаточными возможностями в обосновании важнейшего для нее принципа свободы. Попытку же использовать для этого ресурсы кантовской системы трудно назвать удавшейся, поскольку различие антропологических моделей, смыслов используемых понятий, прежде всего понятия «свобода», а также внутренняя связность, высокая степень детализированности и концептуальная насыщенность кантовской системы препятствуют использованию вне ее контекста, ее «языковой игры» отдельных формул.

Список литературы

1. Кант И. Метафизика нравов // Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 6. С. 5—223.
2. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Там же. Т. 4. С. 153—246.
3. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
4. Brogan A. P. John Locke and Utilitarianism // Ethics. 1959. Vol. 69, № 2.
5. Guyer P. The Possibility of the Categorical Imperative // The Philosophical Review. 1995. Vol. 104, № 3. P. 353—385.
6. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals // The Cambridge Edition of Works of Immanuel Kant. Practical Philosophy. Cambridge, 1999. P. 37—109.
7. Kant I. The Metaphysics of Morals // Ibid. P. 353—605.
8. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. Oxford, 1993.
9. Rawls J. Lectures on the History of Moral Philosophy. Harvard, 2000.
10. Stroud B. Transcendental Arguments // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65, № 9. P. 241—256.

Об авторе

Вадим Александрович Чалый — канд. филос. наук, доц., заведующий кафедрой философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com

KANT'S PHILOSOPHICAL IDEAS IN ROBERT NOZIK'S POLITICAL THEORY

V. A. Chaly

Robert Nozick's political theory contains an attempt to utilize Kant's notion of individual freedom and the second formula of his categorical imperative ("the principle of humanity as an end in itself") for the justification of his libertarian "minimal state". This article analyses and criticizes this attempt on the following grounds: a) the anthropological models of Kant's and Nozick's theories are incommensurable; b) different notions of human nature result in different understandings of freedom – for Nozick it is the basic property of human nature, for Kant it is the result of entering the civil condition; c) the incommensurability of anthropological presuppositions and basic notions distorts the meaning of Kantian formula of categorical imperative when transplanted into an alien philosophical context.

Key words: Kant, Nozick, categorical imperative, "minimal state", freedom, libertarianism.

References

1. Brogan, A. P. 1959, John Locke and Utilitarianism, *Ethics*, vol. 69, no. 2.
2. Guyer, P. 1995, The Possibility of the Categorical Imperative, *The Philosophical Review*, vol. 104, no. 3, pp. 353–385.
3. Kant, I. 1994, Osnovopolozhenie k metafizike nravov [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in Kant I. *Sochinenija v 8 tomah*, Moskow, t. 4, pp. 153–246.
4. Kant, I. 1994, Metafizika nravov [The Metaphysics of Morals], in Kant I. *Sochinenija v 8 tomah*, Moskow, t. 6, pp. 5–223.
5. Kant, I. 1999, Groundwork of the Metaphysics of Morals, in *The Cambridge Edition of Works of Immanuel Kant. Practical Philosophy*, Cambridge, pp. 37–109.
6. Kant, I. 1999, The Metaphysics of Morals, in *The Cambridge Edition of Works of Immanuel Kant. Practical Philosophy*, Cambridge, pp. 353–605.
7. Nozick, R. 2008, *Anarhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State, and Utopia], Moskow.
8. Nozick, R. 1993, *Anarchy, State, and Utopia*, Oxford.
9. Rawls, J. 2000, *Lectures on the History of Moral Philosophy*, Harvard.
10. Stroud, B. 1968, Transcendental Arguments, *The Journal of Philosophy*, vol. 65, no. 9, pp. 241–256.

About the author

Dr Vadim **Chaly**, Head of Department of Philosophy, I. Kant Baltic Federal University, vadim.chaly@gmail.com